

— Дерзость! — он с такой силой ударил по столу, что тот содрогнулся. Осознав, что проявил излишнюю горячность, Гун Динчэнь невозмутимо выровнял дыхание и с нажимом спросил: — С чего это вы взяли, что Я был напуган? Откуда Канцлер черпает эти праздные слухи?

Его поведение недвусмысленно указывало на то, что он выгораживает Линь Му. Канцлер поднял голову, вперив в Гун Динчэня взгляд, острый, как у ястреба, пытаясь отыскать хоть какие-то улики на его одежде. Однако, как он ни старался, не обнаружил ничего подозрительного.

— Что такое? Кажется, Канцлер проявляет необычайный интерес к Моему императорскому облачению? — Гун Динчэнь одернул рукава и холодно отрезал: — Или Канцлеру неведомо, что подобные действия могут быть расценены как неуважение к императорской особе?

Только тогда Канцлер отвел взгляд и, опустив голову, принялся лихорадочно обдумывать, как продолжить гнуть свою линию. Но Гун Динчэнь опередил его:

— Не подскажите, где и от кого вы слышали, будто Я напуган? Сегодня Я весь день не покидал своих покоев и никого не принимал.

Сказав это, он устремил на Канцлера пронизательный взгляд, словно пытаясь прочесть каждую черточку на его лице.

Канцлер, разумеется, понимал, что Гун Динчэнь лжет. Полученные донесения уже раскрыли всю правду о том, что происходило во Дворце Десяти Тысяч Казней. Он полагал, что император не казнил Линь Му лишь из-за отсутствия предлога, и надеялся дать ему этот повод, но никак не ожидал, что тот намеренно его защищает.

Однако Канцлер не собирался так просто упускать возможность. Не отвечая прямо на вопрос императора, он зашел с другой стороны:

— Дыма без огня не бывает. Позвольте мне провести тщательное расследование. Защита безопасности Вашего Величества — превыше всего.

Слова, исполненные такой преданности и верности, могли бы тронуть любого, но Гун Динчэнь, хотя и взошел на трон благодаря Канцлеру, никогда не был его марионеткой.

— Делами гарема должна заниматься императрица, но в нашем царстве она еще не назначена, — Гун Динчэнь зловеще усмехнулся. — Что же, Канцлер, неужели вы хотите стать Моей императрицей?

Увидев, в какой ярости находится император, Канцлер немедленно опустился на колени:

— Умоляю о прощении, Ваше Величество, я не смею!

Гун Динчэнь внезапно поднялся и направился к Канцлеру, сокращая расстояние между ними. Он произнес голосом, который звучал непринужденно, но скрывал в себе явное предупреждение:

— Раз у Канцлера нет таких намерений, то Я сам во всем разберусь. С причастными Я расправлюсь лично, так что можете быть спокойны.

Неизвестно почему, но даже у закаленного в интригах Канцлера по спине пробежал холодок.

Вернувшись во Дворец Десяти Тысяч Казней, он приказал немедленно увести провинившихся.

— Ваше Величество, пощадите! Раб не ведает, в чем провинился, умоляю, укажите на мою ошибку! — Фу Цюань, которого волокли стражники, оставлял на снегу глубокие борозды от своих отчаянных попыток сопротивляться.

Гун Динчэнь даже не взглянул на него, лишь взмахом руки приказал страже продолжать.

В это время имперский лекарь Фу все еще дежурил у постели Линь Му, который под действием лекарств погрузился в сон. Гун Динчэнь, глядя на непривычно безмятежное лицо спящего, похлопал лекаря по плечу, предлагая уступить место, но тот, полный подозрений, не доверял жестокому императору.

— Успокойтесь. Тот запретный препарат Я уже приказал уничтожить, его больше не будут давать Линь Му.

Лекарь все еще не решался поверить — в конце концов, совершенное императором было за гранью понимания, а доносившиеся снаружи мольбы Фу Цюаня о пощаде только усиливали сомнения.

Заметив, что лекарь смотрит в окно, Гун Динчэнь сухо пояснил:

— Это лишь предатель, который следил здесь за всем по чьей-то указке. Если оставить его в живых, жизнь Линь Му рано или поздно окажется в опасности. Теперь вы можете со спокойной душой доверить его Мне?

Даже если бы Канцлер промолчал, император и так знал, кто слил информацию — людей во Дворце Десяти Тысяч Казней было не так уж много. При мысли о том, что кто-то следил за каждым движением Линь Му и, возможно, даже видел его обнаженным, Гун Динчэнь сжал кулаки так, что побелели костяшки: ему хотелось собственноручно разорвать предателей.

Имперский лекарь Фу поспешно опустился на колени и принялся бить поклоны:

— Умоляю, Ваше Величество, не причиняйте больше вреда Линь Му. Старик смог спасти его однажды, но не уверен, что сможет делать это каждый раз. Прошу, проявите милосердие.

— Я понял, — Гун Динчэнь коснулся лица Линь Му, чувствуя теплой ладонью исходящую от него ледяную прохладу — следствие угасающей жизненной силы.

Раньше он ошибочно полагал, что этот человек холоден по натуре, и пытался разжечь в нем пламя столь неистовыми методами. Он не ожидал, что такие перемены могут стоять ему жизни.

Низкий голос Гун Динчэня прозвучал в тишине:

— Я буду оберегать его вечно.

<http://bllate.org/book/19081/1873923>